

Туземцы как будто избегали нас. Любопытные совсем не посещали экспедиционного бивака, и мы, наконец были избавлены от постоянных зрителей. Только один весьма симпатичный лама, с которым мы уже ранее успели подружиться, прибежал ко мне в большом волнении и не знал как выразить свое сочувствие и радость по поводу победы русских. В неудержимом порыве, молодой тангут схватил мою руку и крепко прижал ее к своему сердцу... Это

Серебряная табакерка номадов (китайской работы).

своеобразное выражение симпатии тронуло меня до глубины души. Утром, тринадцатого января, я поздравил моих молодцов — спутников старшими или младшими унтер-офицерами или урядниками и выяснил им положение, в котором мы неожиданно очутились. Явился Лу-хомбо, также похваливший всех нас за молодецки отбитую атаку... Я в шутливом тоне спросил князя, не его ли подчиненные вздумали сыграть с нами

такую злую шутку? На это гордый старик ответил: — «Собственной рукой зарублю, а если окажется раненым, то и заколю того, кто осмелился бы из моих людей принимать участие в набеге!..» Лу-хомбо рассвирепел, гневные глаза властного старика метали искры, он нервно вздрагивал и машинально повертывал на голове свою лисью «атаманскую» шапку; порою даже сбрасывал рукав с правого плеча, обнажая спину, зарубцеванные раны; — старый воин видывал виды! Теперь я стал верить, что Лу-хомбо никогда никому не давал даже обычных подарков, как он мне об этом заявил в первый день нашего знакомства, но сам со всех брал столько, сколько хотел. Кажется, в первый раз князю пришлось сознаться в своем бессилии...